

Библиография

Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические группы и диаспоры Ставрополья: Краткий справочник. Ставрополь, 1997.

Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть первая. XIX — начало XX в.) // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1997.

Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб., 2008.

О.В. Старостина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ РИТУАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКОВ

Традиционный ритуальный костюм таджиков, как и повседневные комплексы одежды, отражает при помощи цвета, материала, покроя и орнаментации ряд признаков, присущих той или иной половозрастной группе. Однако наряду с отличиями можно определить и некоторые сходные черты в покрое и цвете ритуальной одежды, одеваемой в соответствии с изменением статуса человека, например, рождением, инициацией, свадьбой, похоронами, трауром, а также выявить некоторые элементы костюма, являющиеся в традиционных представлениях обязательными атрибутами обрядов жизненного цикла. Основным аспектом предложенной работы является выявление тех особенностей ритуального женского костюма, посредством которых маркировалась переходное состояние женщины.

Хотелось бы отметить, что любая ритуальная одежда, например пеленки для новорожденных, первые рубашки, свадебное и траурное платье, похоронная одежда и саван, кроилась без использования ножниц. Ткань разрывали по нитям основы или утка.

Наиболее близкими, как с семантической точки зрения, так и по цвету и форме являются первые пеленки новорожденного и саван. Согласно традиционным представлениям таджиков, и ребенок, и покойный находятся в переходном состоянии, близком к потустороннему миру — миру мертвых и, следовательно, еще или уже не относятся к миру живых и семейному коллективу. Так же как и покойный, которого заворачивают в белый саван,

младенец не имеет сшитой одежды, до отпадения пуповины его обычно заворачивали в мягкую ткань, которой могли быть платье или платок матери, бабушки, отца или деда. По мнению З.А. Широковой это делалось для придания ребенку долголетия [Широкова 2002: 23].

Д.А. Люшкевич описывала еще один редкий вид одежды младенца, близкий к погребальной одежде: своеобразный нагрудник — *синабанд*, представляющий собой цельнокроеную несшитую рубаху [Люшкевич 1978: 140] и бытовавший у таджиков Ферганской долины. Аналогичный вид одежды входил в состав мужского и женского савана [Таджики Каратегина и Дарваза 1976: 135] — это нижняя погребальная «рубаха» — *курта*.

Следующие виды ритуальной одежды относятся к сшитому типу и, за некоторыми исключениями, не входили в традиционный погребальный костюм. Нижняя плечевая ритуальная одежда по основным деталям кроя не отличалась от повседневной. Ее особый статус определяли отдельные приемы шитья и цветовые особенности некоторых деталей. Так, у детских рубашечек обычно подол, ворот и концы рукавов не подшивали. Считалось, что обрезание лишних кусков ткани, а также подшивание укорачивает жизнь ребенку, препятствует его росту, полноте и здоровью [Наливкин, Наливкина 1886: 174]. Согласно сообщению супругов Наливкиных, в Ферганской долине не подшивали также подол рубахи молодухи, т.е. фактически ее свадебного платья, так как по местным представлениям это могло вызвать бесплодие [Там же: 95].

Одной из наиболее ярких черт женской ритуальной одежды является отсутствие цветового выделения ластовицы. С цветными ластовицами (*кульфак*; кульф — замок, тадж.) был связан ряд поверий. Они были обязательным элементом нательной одежды фертильной женщины, который призван обеспечить плодovitость [Писарчик 1979: 115]. Согласно традиционным представлениям душа покидала тело через подмышку. Использование контрастных тканей и амулетов «удерживало» в теле душу человека [Фахретдинова 1988: 144]. Однако в рубашках детей до трех лет (т.е. той возрастной группы, в которой не определялась поло-

вая дифференциация) ластовицы изготовлялись из той же ткани, что и все платье. Лишь в исключительных случаях, когда дети в семье умирали или ребенок был долгожданным, ластовицы рубашечки делались цветными [Фахретдинова 1988: 144].

В свадебных платьях и платьях, заготовливаемых для приданого, в которых в дальнейшем ходила молодуха, ластовицы делались из того же материала, что и все платье. В траурных рубахах ластовицы также никогда не делались цветными.

Детскую нательную и ритуальную одежду сближают не только особенности шитья и детали кроя, но и цвет. Материалом для изготовления детской рубашечки служила обычно белая хлопчатобумажная ткань, иногда в мелкий цветочный рисунок [Наливкин, Наливкина 1886: 174], нижнее платье невесты и молодухи шилось также из белой ткани. Если умирал кто-либо из самых близких родных, в знак глубокого траура надевали платье из белой гладкой хлопчатобумажной материи [Сухарева 1982: 25].

Общие черты имеет поясная детская и женская обрядовая одежда. В отличие от повседневной взрослой поясной одежды, детские штаны шили всегда из одного сорта ткани [Люшкевич 1978: 135], не вставляя ластовиц и верха другого цвета. Эта особенность характерна также для женской обрядовой одежды — свадебной и траурной. Поясная одежда — штаны — шилась для свадебного костюма из шелковой или полупелюшковой красной ткани с ярким абровым рисунком и не имела вставок и ластовиц из ткани другого сорта или цвета. В отличие от обычных шаровар, траурные всегда целиком шили из одной ткани, опасаясь, что в противном случае можно вызвать новые смерти. Как упоминалось выше, вставка из контрастной ткани, согласно традиционным представлениям таджиков, обеспечивала плодovitость женщины и одновременно являлась оберегом. В траурной одежде, вероятно, цветная ластовица воспринималась как средство вызвать «плодовитость» смерти.

Верхней плечевой ритуальной женской одеждой являлся особый вид халата. В Центральном Таджикистане, Бухарском оазисе, Пенджикенте и Самаркандской области, когда девочке исполнилось 12 лет, на нее впервые надевали старинный праздничный

халат *мунисак*, *калтача* [Там же: 136]. Это торжество происходило по поводу первого *мулджар* — окончания 12-летнего цикла. Девочка переходила в следующий возрастной класс и могла выходить замуж. В Самарканде существовал особый праздник *калтачанушон* [Сухарева 1982: 39], также связанный с переходом девочки в возрастную группу девушек. Название праздника происходило от названия вышеописанной старинной одежды.

В коллекции Российского этнографического музея, помимо нескольких экземпляров *мунисака*, хранится уникальная старинная девичья и женская верхняя одежда *пешево*, основным отличием которой является отсутствие подкладки. Она изготовлена из желтого в красную полоску шелка местного производства. Как отмечала О.А. Сухарева, халат *пешево* был известен в Самарканде и Бухаре во второй половине XIX в. в качестве праздничной одежды, к концу века он употреблялся лишь в качестве элемента траурного костюма [Там же: 42]. *Мунисак* без подкладки как элемент девичьего костюма сохранялся и в свадебной одежде. Молодую носила его до рождения первенца, а при выходе на улицу набрасывала его на голову под паранджу [Там же: 36].

Пешево из ткани синего цвета [Люшкевич 1978: 136] считалось и траурной верхней плечевой одеждой. Близкие родственницы умершего отличались наиболее яркими и нарядными *пешево* [Сухарева 1982: 36], но носили их только первые несколько дней траура.

В случае смерти молодой девушки, невесты, молодой или молодой замужней женщины в качестве погребального костюма использовался не саван, а полный комплект свадебной одежды, включавший и украшения, считавшиеся оберегом покойной [Муродов, Мардонова 1989: 116].

Большой белый платок, входивший в состав женского головного убора, фиксируется практически во всех ритуалах жизненного цикла. Такой платок использовался для закрывания младенца после обряда положения в колыбель. В зависимости от местности период сокрытия длился от трех до сорока дней [Троицкая 1927: 352]. Затем платок появлялся в костюме невесты и новобрачной. На ее голову набрасывали большой белый несложенный платок,

закрывавший лицо, грудь, плечи и всю спину, который молодая снимала только после первой брачной ночи в доме супруга.

Обязательной частью траурного головного убора был белый *лячак* [Люшкевич 1978: 143], закрывавший шею и грудь. В случае отсутствия данного элемента головного убора, например у девочек, девушек и пожилых женщин, его заменяли большим белым платком, один из углов которого перебрасывали на противоположное плечо. Белый платок использовали и как покрывало на лицо умершей женщины, так как, согласно традиционным представлениям, мужчины-родственники не должны видеть лица покойной, переставшей быть членом их семьи [Таджики Каратегина и Дарваза 1976: 123].

Праздничной и ритуальной обувью являлись туфли *кауш* и сапожки *махси*, которые изготавливали из парчи, сафьяна, шагрени, сукна бархата, украшали вышивкой, аппликацией из кожи.

Характерным отличием траурного женского костюма от повседневного и ритуального являлось наличие пояса, который представлял собой сложенный несколько раз большой платок, свободно завязанный на талии поверх *пешево*. Его надевали во время оплакивания покойного и при посещении могилы на второй, третий и сороковой день. В случае траура по мужу женщина снимала пояс после годовых поминок [Наливкин, Наливкина 1886: 231].

Таким образом, женский ритуальный костюм включал в себя следующие элементы, считавшиеся обязательными для ношения: белую рубаху и штаны, без выделения цветом ластовиц и линии шага, *пешево*, белый платок, а также мягкие сапожки и туфли.

Библиография

Бикджанова М. А. Одежда узбеков Ташкента XIX — начала XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. (Сб. МАЭ. Вып. XXIV).

Муродов О., Мардонова А. Некоторые традиционные погребальные обычаи и обряды у таджиков // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1989.

Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы. Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд. 2-я половина XIX — начало XX в. М., 1982.

Таджики Каратегина и Дарваза / Ред. Н.А. Кисляков, А.К. Писарчик. Душанбе, 1976. Вып. 3.

Троицкая Л. А. Первые сорок дней ребенка среди оседлого населения Ташкента и Чемкентского уезда // Сб. В.В. Бартольду. Ташкент, 1927.

Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

Широкова З.А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // Этнографическое обозрение. 2002. № 4.

Н.А. Тлеубергенова

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО КАРАКАЛПАКОВ

Важным направлением исследования истории любого народа является изучение его ремесленной деятельности. Развитие ремесла в конкретную историческую эпоху — это один из показателей состояния общества, т.е. ремесленная деятельность и ее составляющие в какой-то мере отражают уровень социально-экономического и культурного роста на всем протяжении истории. Результаты ремесла в виде конкретной продукции передавались от поколения к поколению, составляя, таким образом, неотъемлемую часть материального наследия народа. И в этом отношении история каракалпаков не является исключением. Накопленные историко-этнографические материалы свидетельствуют, что в прошлом ремесло составляло основную сферу хозяйственной деятельности каракалпаков. Имея богатые исторические традиции и высокую художественную культуру, оно являлось наиболее развитой отраслью народного творчества.

Ремесла, связанные с обработкой металлов, на территории Каракалпакстана возникли в глубокой древности, еще тогда, когда люди научились изготавливать медные и бронзовые предметы. Это